

О.В. Флеров

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: ИСТОКИ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ XX ВЕКА

Аннотация. Сегодня словосочетание «межкультурная коммуникация» всё чаще и чаще воспринимается как некий «гуманитарный штамп», особенно представителями технических направлений. Между тем в наше время она является не только процессом диалога культур, но и относительно самостоятельной сферой научного знания, изучающей этот диалог с различных гуманитарных позиций. Несмотря на то, что ей как феномену уже несколько тысяч лет, как научное направление межкультурная коммуникация стала оформляться только в XX в. В данной статье автор прослеживает истоки научных исследований межкультурной коммуникации и даёт обзор наиболее известных её теорий, возникших в прошлом веке. Особое внимание уделяется практическому применению данных теорий и знаний из области межкультурной коммуникации в XXI в. Методом исследования в статье выступает исторический анализ зарождения межкультурной коммуникации как области научного знания, а также сопоставительный анализ теорий межкультурной коммуникации.

Основные выводы автора статьи сводятся к тому, что для решения практических задач социального взаимодействия в межкультурной парадигме, которые стали всё чаще возникать в прошлом веке ввиду политических и социально-экономических причин, необходимы научно обоснованные теории и модели. Именно поэтому развитие такого направления как межкультурная коммуникация было обусловлено самим ходом истории. Новизна статьи заключается в том, что процесс становления межкультурной коммуникации как области знания показан в контексте современных проблем в разных областях жизни, в решении которых она призвана помочь.

Ключевые слова: диалог культур, парадигма, знание, теория, противопоставление, межкультурная коммуникация, антропология, время, контекст, ценности.

Abstract. Today the expression “intercultural communication” more and more often is being understood as a so-called “humanitarian stamp”, especially by the representatives of technical disciplines. At the same time, it is not just the process of dialogue between cultures, but a relatively independent sphere of scientific knowledge that studies this dialogue from various humanitarian positions. Despite the fact that as a phenomenon the intercultural communication exists for several thousand years, only in the XX century it becomes a scientific discipline. The author follows the origins of the scientific research of intercultural communication, as well as gives a review of its most famous theories emerged in the previous century. Special attention is given to the practical application of these theories and knowledge from the area of intercultural communication in the XXI century. The main conclusion consists in the fact that the scientifically substantiated theories and models are required for solution of the practical tasks of social interaction within the intercultural paradigm, which have emerged in the previous century due to political and socioeconomic reasons. This is namely why the development of such direction as intercultural communication was justified by the historical path itself. The scientific novelty lies in the statement that the process of establishment of intercultural communication as the area of knowledge is being illustrated in the context of modern problems in various spheres of life, which it is meant to solve.

Key words: intercultural communication, opposition, theory, knowledge, paradigm, dialogue of cultures, anthropology, time, context, values.

В последнее время очень много говорится о различных вопросах межкультурной коммуникации как диалога культур. Межкультурная коммуникация (или как ещё её иногда называют «кросс-культурная коммуникация»)

традиционно понимается как процесс взаимодействия и мотивированного им общения представителей разных культурных сообществ. При этом проблемы коммуникации актуализируются, если хотя бы один из коммуникантов вынужден об-

щаться на неродном для себя языке. Именно поэтому на практике о межкультурной коммуникации говорят чаще всего применительно к изучению иностранных языков.

Для современной лингводидактики межкультурная коммуникация действительно играет ключевую роль, поскольку в эпоху Интернета и доступности информации на самых разных языках она выступает парадигмой их изучения и освоения. Благодаря тому, что язык является основным средством человеческого общения, о лингвистическом аспекте межкультурного взаимодействия можно говорить как об одном из основных, но диалог культур исследуется далеко не только с позиций языка. Сегодня межкультурная коммуникация исследуется с позиций всех гуманитарных наук, кроме того в эпоху глобализации и технического прогресса некоторые её аспекты находят соприкосновение с вопросами экономики и техники.

Таким образом, межкультурная коммуникация как феномен второй половины XX – начала XXI вв. сегодня может рассматриваться не только как процесс взаимодействия представителей разных культур, но и как междисциплинарное направление исследований, в рамках которого многие вопросы гуманитарных наук, связанные с взаимодействием, отношением и поведением людей, рассматриваются в межкультурном контексте.

В данной статье автор предпринимает попытку в кратком обзоре выявить основные истоки межкультурных исследований в различных областях гуманитарного знания, а также проанализировать основные научные теории межкультурной коммуникации и проследить их отношение к теоретическому гуманитарному знанию и к практике коммуникативного взаимодействия.

В отечественных источниках в качестве синонима «межкультурной коммуникации» иногда используется термин «кросс-культурная коммуникация». Однако в зарубежных исследованиях он имеет несколько другое значение, обозначая, как правило, не процесс коммуникации как взаимодействие, а сравнение и сопоставление особенностей общения представителей разных культур. Иными словами межкультурная коммуникация (intercultural communication) изучает динамические образцы взаимодействия, а кросс-культурная коммуникация (cross-cultural communication) – статичный дифференцированный образ [1, с. 11-16].

Но, так или иначе, исследование коммуникативного взаимодействия представителей разных культур сегодня – это бурно развивающееся во многих странах мира и востребованное обществом теоретическое и прикладное научное на-

правление, находящееся на стыке самых разных гуманитарных наук. Оно направлено на изучение процесса непосредственного или опосредованного обмена информацией между представителями разных культур, т.е. процесса межкультурной коммуникации (интеракции), общения, осуществляемого в условиях культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников.

Безусловно, взаимодействие цивилизаций и диалог культур имели место ещё до нашей эры. Несмотря на то, что в древности локальные культуры и цивилизации возникали и развивались, как кажется, изолированно, они были пронизаны многочисленными нитями культурных и торгово-экономических связей. На протяжении столетий эти нити крепили и умножались, охватывая населенную часть земного шара.

Самые первые межнациональные контакты, которые нашли отражение в памятниках духовной и материальной культуры, относятся ещё к периоду становления древнейших цивилизаций. Археологические находки служат свидетельством тому, что в это время достаточно активно осуществлялся обмен различными предметами, в особенности предметами быта, украшениями, оружием и т.д.

Именно благодаря появлению и развитию межнациональных контактов финикийский алфавит, появившийся на территории Палестины между II и I тыс. до н.э., распространился в страны Средиземноморья, а затем лёг в основу греческой, позже римской, а в дальнейшем и славянской письменности. Это важный факт подтверждает позитивное значение межкультурного общения не только для социума, но и для науки. В её становлении и развитии межкультурные контакты эпохи древнейших цивилизаций сыграли не меньшую роль. В античности широкое распространение получила традиция посещения греческими философами стран Востока. Здесь они знакомились с восточной мудростью, и использовали свои наблюдения в научной деятельности. Принято считать, что на традиции школы стоиков большое влияние оказали учения и образ жизни индийских йогов и брахманов [2].

Однако именно в прошлом столетии процесс межкультурного взаимодействия приобрел лавинообразную форму. Почти вся населённая часть Земли пронизана нитями мирового рынка и политическим влиянием мировых империй, охвачена последствиями научных открытий и инноваций, возрождением влияния мировых религий, став полем перемещения и контактов миллионов людей при помощи эффективных транспортных средств и систем связи. Человечество всё больше ощущает

себя единым целым, хотя и разделённым на противоречивые, а то и противоборствующие группировки стран, цивилизаций.

Последняя треть XX в. внесла принципиально новые черты в развитие мировой экономики и человечества в целом, что проявилось в процессах глобализации, которые стали определять судьбу человечества. В первую очередь следует говорить о глобализации техносферы. Индустриальная цивилизация характеризовалась бурным ростом и планетарным распространением технических систем и технологических процессов, преобразовавших все сферы жизни общества. В результате чего образовалось мировое технологическое и информационное пространство, пронизанное сетью транспортных и телекоммуникационных нитей. Современные технологические системы далеко вышли за национальные границы и приобрели черты, опасные как для человека, так и для биосферы Земли.

Помимо этого мировая интеграция достигла такого уровня и прочности связей между национальными экономическими системами, что стало возможно говорить о глобальной экономике как о приоритетном явлении, которое имеет собственные закономерности, тенденции и механизмы функционирования и развития.

Социокультурной глобализацией затрагиваются сферы культуры, науки, образования, этики и идеологии. Всё более отчётливо виден глобальный характер научного прогресса, и осуществляется обмен идеями и учёными. В результате унификации систем образования сформировались его общие контуры. Сейчас о нём можно говорить как о единой системе, использующей информационные ресурсы мировых высокоэффективных технологий. В результате всех этих процессов развивается международный обмен культурными ценностями.

Геополитическая глобализация в середине XX в. проявилась в создании и противоборстве двух геополитических блоков, которые возглавлялись СССР и США во времена Холодной войны [3, с. 7-11]. Именно в послевоенном западном мире с учётом набиравших уже тогда силу процессов, описанных выше, была осознана потребность проводить научные исследования межкультурного взаимодействия, которые носили бы прикладной характер, в то время как в многонациональном Советском Союзе идеи взаимоотношения народов, населявших его, носили идеологический характер.

Расширение европейских и американских корпораций потребовало разработки не только языковых курсов, но и специальных тренинговых программ для сотрудников, во время которых они обучались

коммуникативному поведению за рубежом. Эти факторы, а также создание ООН способствовали распространению идей межкультурного взаимодействия и выработке понятия межкультурной компетентности как готовности и способности к нему.

При исследовании коммуникативного поведения в межкультурном контексте стали рассматриваться в частности проблемы теории коммуникации [4] и психологии общения, благодаря чему возникла её новая отрасль – межкультурная психология. В её рамках исследуется поведение индивидов и протекание их психических процессов в ситуациях межкультурного взаимодействия. Многие постулаты психологии, принимавшиеся ранее как универсальные североамериканскими учёными, оказались вариативными, когда исследования и эксперименты стали проводиться в условиях других культур.

Исследователей стало интересовать, как культура отражается в психике человека, а именно в протекающих психических процессах и в его поведении. Это вкупе с зародившейся наукой психолингвистикой, которая исследует взаимоотношение языка, мышления и сознания, в корне изменило представления об изучении иностранных языков и обучении им.

В 1960-е гг. в лингвистике, а затем и в лингводидактике, стали исследоваться экстралингвистические условия и обстоятельства общения. Такой подход стал фактически альтернативой распространённой в середине XIX в. в лингвистике идее системности и основанного на ней «уровневого» или «структурного» обучения неродному языку, которое полностью копировало структуру самого языка и его образ.

С тех пор за полвека в обучении иностранным языкам произошли существенные изменения. С развитием исследований в области психолингвистики во главу угла встало такое понятие как «коммуникативная компетенция», которое означает, по сути, способность к речевому общению. Был выдвинут тезис о том, что развитие коммуникативных способностей не может ограничиваться только языковой компетенцией, которая подразумевает знание средств и правил конкретного языка. В результате этого появилось огромное количество методик, подходов и технологий преподавания иностранного языка, в том числе и авторских. Они различаются, но всех их объединяет ярко выраженная прагматическая направленность, ориентированность на коммуникацию и речевую деятельность.

Ярко выраженная прагматическая направленность в лингводидактике была обусловлена реальными потребностями общества второй половины

XXI в. Нарастающие темпы глобализации, рост межкультурных контактов, социальная, профессиональная и академическая мобильность и, как следствие, всё более частое использование иностранного языка в повседневной жизни не могли позволить человеку ждать несколько лет получения результата в его освоении. Какие-либо практические результаты нужны стали уже на самом раннем этапе занятий [5-6].

Сегодня принято говорить, что межкультурная коммуникация является основной парадигмой обучения иностранным языкам, т.е. парадигмой такой же относительно новой области знания как лингводидактика. Средствами иностранного языка формируется межкультурная компетенция и межкультурная чувствительность, о которых будет рассказано ниже. Однако межкультурная коммуникация как академическая дисциплина сама по себе, а также дисциплины, смежные с ней, всё больше вводятся в учебные программы образовательных учреждений по всему миру.

Итак, межкультурная коммуникация как сфера знания берёт своё начало из проблем и вопросов политики, социологии, экономики, техники и телекоммуникации, психологии, лингвистики и педагогики (лингводидактики). Она рассматривает совершенно разные проблемы в одной и той же парадигме межкультурного взаимодействия. Её оформление в междисциплинарную научную область в середине XX в. было бы невозможным без построения собственных теорий, причём большое их количество и тот факт, что они основывались на совершенно разных факторах, лишней раз демонстрирует комплексность и многогранность межкультурной коммуникации как области исследований.

Как уже изначально отмечалось, отдельные исследования велись в совершенно разных сферах гуманитарного знания, целостные же теории строились в основном на основе антропологии и культурологи, а также коммуникативистики, которая тоже, впрочем, является относительно новой самостоятельной научной областью.

Одна из самых известных теорий межкультурного общения и взаимодействия – это теории американского антрополога Э. Холла [7]. В XXI в., когда наряду с проблемами межкультурной коммуникации всё больше говорится о проблемах информационных и телекоммуникационных технологий, об их сильных и слабых сторонах, об информационной компетенции как о необходимом качестве для современного человека в условиях формирующегося информационного пространства, эта теория становится всё более актуальной, поскольку она основана на информационном контексте. Под

контекстом Э. Холл понимает всю невысказанную информацию, которой сопровождается каждое коммуникативное явление и взаимодействие, а также каждое культурное событие. Эта информация существует в культуре в виде каких-либо негласных правил, норм поведения, и пр., которые являются культурно и исторически обусловленными и существуют в информационном пространстве культуры, которая находится в информационном пространстве глобальном. Однако дело в том, что степень информированности (знание контекста) в коммуникации зависит, по мнению Холла, от плотности социальных связей. Если представители какой-либо культуры пользуются закрытой плотной информационной сетью, то даже в условиях современного информационного пространства процесс взаимной передачи и понимания информации для представителей иных культур с ними будет затруднителен. Такие культуры постоянно пользуются контекстом и называются высококонтекстными. К ним относятся восточные страны, а также страны Южной Европы. Несложно заметить, что высококонтекстные культуры являются в основном коллективистскими, поскольку именно в условиях постоянной коллективной деятельности и совместного существования и формируются эти самые скрытые контекстные связи, понимания и значения.

Представители низкоконтекстных культур (Северная Америка и Северо-западная Европа) дают максимум информации в вербальном сообщении, в котором всегда предельно ясно излагается суть без каких-либо дополнительных контекстов. Сообщения в низкоконтекстных культурах, как правило, лаконичны и содержат максимум «полезной информации», в то время, как в высококонтекстных, наоборот, минимум эксплицитной информации при большом объёме сообщения. В речи людей из низкоконтекстных культур присутствует однозначная оценка происходящего, а также эксплицитное выражение недовольства в случае отрицательной оценки. Если подходить к этому вопросу с чисто языковой точки зрения, то несложно заметить, что языки высококонтекстных культур предполагают обычно больше так называемого лингвистического излишества (*linguistic redundancy*), в то время как языки культур низкоконтекстных часто имеют аналитическую структуру и более лаконичны.

Сегодня о межкультурной коммуникации всё чаще говорится применительно к деловой сфере, где эффективность переговоров зависит от понимания различий в манере коммуникации, причём речь здесь идёт не просто об отношении между людьми, но и об экономической и финансовой эффективности взаимодействия.

Манера представителей низкоконтекстных культур переходить сразу к существу проблемы без каких-либо преамбул и лишнего политаеса людям из восточного мира часто кажется грубой и вызывает недоверие, в то время как людям из северо-западных культур слишком тщательное налаживание связей и установление контактов может показаться хитростью, задабриванием, лестью и т.д.

Безусловная ценность теории Холла заключается в том, что она основана на восприятии языковой информации в процессе коммуникативного взаимодействия, а, следовательно, может быть применена, например, в обучении иностранному языку, в бизнес-тренингах и т.д. Другая сторона данной теории заключается в том, что культуры делятся на две большие группы по восприятию времени: полихронические и монокронические, в этом вопросы межкультурной коммуникативистики переплетаются с вопросами философии.

Как известно, у людей нет органов чувств, позволяющих всегда точно и одинаково воспринимать время, подобно тому, как мы воспринимаем звук, цвет, вкус и т.д. Одному и тому же человеку кажется, что время проходит быстро, когда происходит много событий, между тем, оглядываясь назад, он наоборот, чувствует, что период длился долго, потому что «есть что вспомнить». Прямо противоположное ощущение бывает, когда на отрезке жизни происходит мало событий. Восприятие времени человеком как представителем культуры – ещё более сложная вещь.

В монокронных культурах существует отношение ко времени как к материальной вещи. Его можно сэкономить, потерять, наверстать и т.д. В каждый промежуток времени представитель такой культуры делает какое-либо одно дело. Естественно, чем разумнее расходует время, тем больше человек успевает. Эффективность и продуктивность работы напрямую зависит в данном случае от распределения времени. Причём это касается всех сфер и частной жизни тоже, а не только бизнеса, где «время – деньги». Ярким примером в данном случае является так называемый тайм-менеджмент, т.е. теория эффективной организации времени. В монокронных культурах индивиды сконцентрированы на своей работе, соблюдают все договоренности, испытывают ответственность за свою неё, стараются никому не мешать, проявляют больше уважения к другим людям, экономят своё время и время других людей, пунктуальны и поддерживают преимущественно краткосрочные межличностные отношения.

Таким образом, время для них это как бы прямой путь, а для полихронных, напротив, –

узел переплетения многих проблем, дел, забот, коммуникативных ситуаций, эпизодов социального взаимодействия и пр. Представители полихронных культур делают несколько дел одновременно, чаще прерывают свою работу, придают меньше значения договоренностям о встречах, чем человеческим взаимоотношениям. Они часто меняют свои планы, больше интересуются личными делами, их пунктуальность зависит от взаимоотношений, они склонны устанавливать отношения с другими на всю жизнь. Для этих людей на первое место выходит не время, а общение и собственное ощущение человека в общении и во времени ценнее объективного и рационального его использования.

Изучение восприятия времени позволяет также интерпретировать поведение представителей разных культур на практике, максимально эффективно организовывать общение, понимать какое значение ему придаётся тем или иным человеком и как оно влияет на процесс деятельности и её результаты.

Однако, по мнению автора статьи, у данной теории есть и недостатки. Первый из них заключается в том, что разделение культур происходит всего по двум категориям, т.е. максимум может получиться четыре их типа: монокронные низкоконтекстные, монокронные высококонтекстные, полихронные низкоконтекстные и полихронные высококонтекстные. Разумеется, во-первых, культуры слишком многообразны, чтобы делить их только на четыре категории, а, во-вторых, восприятие времени связано с восприятием контекста, поэтому полихронные культуры, как правило, и являются высококонтекстными и наоборот. Восприятие времени напрямую зависит от той информационной сети, в которой находится человек, и которая определяет контекст, потому что частота и количество социальных контактов влияют на то, как человек строит свою деятельность и на его коммуникативное поведение во время неё. Например, для высококонтекстных культур вполне нормально большое количество общения с разными людьми во время работы и постоянное отвлечение от неё, тогда как для низкоконтекстных это недопустимо. Т.е. получается, что один критерий как бы подтверждает другой.

Эта теория Холла предоставляет возможность для глубокого теоретического культурологического, антропологического и философского анализа, но извлечь из неё напрямую модель построения межкультурного взаимодействия с позиций конкретного индивида всё же сложно.

Более практичной в этом смысле предстаёт теория культурной грамотности Э. Хирша [8].

В ней раскрывается, что именно нужно человеку, чтобы эффективно вступать в межкультурную коммуникацию. Это понимание фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры. Хирш рассматривает не только сущность культурной грамотности, но и механизмы её формирования, что особенно ценно сегодня в свете компетентностного подхода и ориентации на подготовку международно-ориентированной личности.

Сегодня очень много говорится о межкультурной компетенции, которая ведёт к развитию у человека межкультурной чувствительности. Учёный замечает, что компетенция не может существовать вне коммуникации. Именно в конкретных коммуникативных ситуациях выявляется уровень развития языковой и других видов компетенции. Человек не может осознавать своей некомпетентности в тех сферах коммуникации, которые для него закрыты. В межкультурном взаимодействии соединяются различные виды компетенции (лингвистическая, социокультурная, коммуникативная). В зависимости от значения и роли того или иного вида компетенции в конкретных ситуациях общения Хирш выделяет следующие уровни межкультурной компетенции: 1) необходимый для выживания (в первую очередь здесь необходимо развитие лингвистической компетенции, т.е. владение языком на уровне, позволяющем участвовать в самых простых ситуациях социального взаимодействия); 2) достаточный для вхождения в чужую культуру (для этого требуется более высокий уровень языковой компетенции, иначе говоря, свободное владение языком, что подразумевает компетенцию коммуникативную, потому что общаться на чужом языке эффективно нельзя без общих базовых коммуникативных навыков, а также определённая социокультурная база); 3) обеспечивающий полноценное существование в новой культуре, т.е. её «присвоение»; 4) позволяющий в полной мере реализовать идентичность языковой личности.

Два последних подразумевают исключительно высокий уровень развития всех компетенций, входящих в межкультурную. Последнего четвёртого уровня на практике средствами педагогического процесса достичь фактически невозможно, а при естественной аккультурации такая реализация происходит стихийно, не контролируется, не планируется, поэтому сложно предугадать сможет ли человек, даже очень долго живущий в другой стране в полной мере реализовать идентичность языковой личности, так как это зависит от слишком многих факторов.

Очень важно понимать, что культурная грамотность – это не только культурно-специфическая информация, но и информация о мире в целом. Это наиболее динамичный компонент межкультурной компетенции, требующий постоянного пополнения текущей культурной информации. Дело даже не в том, что в современном мире в единицу времени происходит больше глобально значимых событий, чем было раньше, а в том, что о них тут же становится известно посредством телекоммуникационных сетей. Если человек ввиду своего рода деятельности вступает в межкультурные контакты с представителями какой-либо страны, ему нужно постоянно быть в курсе, что происходит в этом государстве, в этом обществе, какие проблемы являются наиболее обсуждаемыми и злободневными.

Для нормального межкультурного понимания и эффективного взаимодействия очень важно также гармоничное сочетание лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенций. Например, от человека, хорошо владеющего иностранным языком, ожидают и высокого уровня культурной грамотности и обращаются к нему как к обладающему достаточным объёмом культурологической информации.

Теория Хирша ложится в основу подготовки к межкультурной коммуникации, особенно средствами иностранного языка, она может лежать в основе педагогических методик и технологий, но социокультурная компетенция в любом случае будет формироваться на основе теоретического материала, который даёт, например, теория Э. Холла. Т.е. мы видим, что теории, рассматривающие межкультурную коммуникацию с совершенно разных позиций, взаимосвязаны и дополняют друг друга.

То же самое мы увидим, если обратимся к другой теории известного голландского социолога, антрополога и специалиста по теории управления Г. Хофстеде [9]. Она была предложена несколько позже в 1970-1980-х гг. Хофстеде анализировал поведение на рабочем месте людей в разных странах, рассматривая культуры с точки зрения «культурного измерения». Эта теория по модели похожа на теорию Холла, поскольку делит все культуры по определённым критериям, однако, в отличие от первой она рассматривает конкретные социальные процессы, которые определяют поведение индивидов и лежат в основе «осей культурных противопоставлений». Конечно, эта теория даёт богатейший социокультурный и коммуникативный материал при подготовке к межкультурной коммуникации особенно в деловой сфере.

Первым противопоставлением, по Г. Хофстеде, является степень неравенства в распределе-

нии власти или дистанция власти. Под дистанцией власти имеется в виду степень неравенства в распределении власти на различных организационных уровнях, а также степень принятия неравенства в распределении власти в качестве нормы членами общества. Хофстеде заметил, что в культурах с низкой дистанцией власти (например, в Центральной и Северо-Западной Европе) коммуникативный стиль политиков заметно отличен от, например, стран Востока, где политик должен демонстрировать значительность, властность и могущество. В культурах с низкой дистанцией власти политик является для граждан как бы менеджером, занимающим несколько более высокую должность, чем они, критическое отношение к нему является вполне нормальным. В культурах с высокой дистанции власти высокая степень принятия неравенства заключается в том, что руководящий человек воспринимается как безусловный авторитет.

В основе второго противопоставления лежит степень терпимости к неопределённости или избегание неопределённости. Под этим следует понимать степень неуверенности человека в нештатных, неструктурированных и непредвиденных ситуациях, а также то, каким образом он пытается избежать их, вырабатывая правила, формулы и ритуалы и насколько они готовы мириться с поведением, отклоняющимся от нормы. Культуры с высокой степенью избегания неопределённости боятся инноваций, приветствуют поиски абсолютной истины. К ним можно отнести традиционные общества Восточного мира, однако всплеск в развитии технологий, которые произошёл уже после того, как Хофстеде разработал свою теорию, заставляет любое общество принимать инновации как объективную реальность, иначе оно становится отсталым.

Ещё одним важным критерием, с точки зрения социальных процессов, происходящих в мире, является степень противопоставления полов и соревновательность. Под дифференциацией полов понимается ориентация на доминирующие мужские или женские жизненные ценности. К мужским ценностям относят стремление к успеху, самоутверждению. К женским – солидарность, забота о слабых, близкие межличностные отношения. Высокосоревновательные культуры отчётливо противопоставляют традиционные мужские и женские социальные роли. Успех, в том числе и для женщин, ассоциируется с проявлением мужских качеств. Интересно то, что к высокосоревновательным культурам относятся противопоставленные во многих других отноше-

ниях Япония и США. К низкосоревновательным – Скандинавские страны.

Ещё одним критерием для противопоставления считается степень ориентации на индивидуализм или коллективизм, т.е. степень стремления членов общества действовать индивидуально или коллективно. Степень, в которой общество терпимо к тому, что взгляды и поступки отдельной личности могут быть не совпадают с коллективными или групповыми убеждениями и действиями. Например, выраженная индивидуалистская культура США рассматривает успех личности как её индивидуальные достижения, одновременно подчёркивается индивидуальная ответственность за какие-либо действия. В культурах коллективистского типа роль и влияние коллектива на индивидуума очень велика. К таким культурам относят страны Латинской Америки, Арабского Востока, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. При этом в культурах первого типа превалирует ориентация на выполнение конкретной задачи и достижение конкретного результата, а в культурах второго типа на взаимоотношения членов группы, коллектива, тогда как результат является производной величиной.

Эта теория описывает поведение людей в условиях основных социальных процессов и даёт полезный материал при подготовке к ситуациям социального взаимодействия с представителями других культур. Сама по себе она является скорее описательной, не раскрывает сами механизмы межкультурного взаимодействия, но лежит в основе многих моделей и методик формирования межкультурной компетенции, как и весьма близкая ей теория Ф. Клакхона и Ф. Сродтбека. Эти антропологи обратили внимание на культурные различия в системах ценностей, которые в целом составляют картину мира данной культуры. В эту картину входят такие фундаментальные ценности, как отношение ко времени, к деятельности, к природе, представления о ценности межличностных отношений.

В 1959 г. ими была разработана теория ценностной ориентации культуры, основанная на выделяемых ими пяти критериях сопоставления культур. В ней выделяются следующие критерии:

- 1) оценка сущности природы человека (в основе своей человек плохой – человек представляет собой смесь хорошего и плохого – в основе своей человек хороший);
- 2) отношение человека к природе (человек подчинен природе – человек находится в гармонии с природой – человек является хозяином природы);

- 3) восприятие времени (ориентация на прошлое – ориентация на настоящее – ориентация на будущее);
- 4) отношение к деятельности (ориентация на бытие – ориентация на развитие – ориентация на деятельность);
- 5) ориентация на межличностные отношения (авторитарный тип – коллективистский тип – групповой тип).

Выделенные критерии позволяют, как и в предыдущих теориях составить представление о ценностном профиле сопоставляемых культур.

Формат данной работы не позволяет сделать подробный обзор и глубокий анализ всех теорий межкультурной коммуникации XX в. Однако даже обзор наиболее известных из них позволяет заметить, что межкультурные научные исследования зародились именно в Западном мире, именно в тех обществах и культурах, где существует ориентация не на сам процесс общения, а на достижение целей, результатов, эффективное взаимодействие, рациональное использование времени и т.д. Если коммуникация выступает инструментом, а не самоцелью и не самоценностью, то ясно, что

нужно учиться владеть этим инструментом в первую очередь на практике.

В отечественной науке исследования по межкультурной коммуникации начали развиваться только после распада СССР. Конечно, мы и до этого жили в условиях поликультурного общества и национального многообразия, но идеи интернационализма в советское время носили скорее всё же политический и идеологический характер.

Сегодня межкультурная коммуникация в мире – динамично развивающаяся сфера гуманитарного знания, находящаяся на стыке различных гуманитарных наук. На рубеже веков, когда уже накоплен достаточно богатый теоретический материал о социокультурных различиях и о принципах, лежащих в их основе, всё больше внимания уделяется конкретным механизмам межнационального взаимодействия в разных сферах жизни и особенно процессам адаптации к новой культуре (например, теория адаптации Я. Ким [11]), что в контексте происходящих сейчас политических и демографических процессов представляется не просто актуальным, но и злободневным.

Список литературы:

1. Trevisani D. Negoziazione interculturale. Comunicare oltre le barriere culturali. Milan: Franco Angeli editore, 2005. 172 p.
2. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. СПб.: СПбКО, 2009. 416 с.
3. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003. 441 с.
4. Швед Н.Г., Рибокене Е.В. Основы теории коммуникации. М.: МУИВ, 2012. 326 с.
5. Рыбакова Н.А. Основные принципы подготовки студентов неязыкового профиля к профессиональной межкультурной коммуникации // Филология: научные исследования. 2015. № 1. С. 46-53.
6. Рыбакова Н.А. К вопросу об оптимизации коммуникативной языковой подготовки учащихся высшей школы // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96). С. 135-139.
7. Hall E. The Hidden Dimension. New York: Doubleday, 1966. 135 p.
8. Hirsch E. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston: Houghton, 1987. 272 p.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.
10. Kluckhohn F, Strodtbeck F. Variations in Value Orientations. Row, Peterson, 1961. 437 p.
11. Kim Y. Becoming Intercultural. An Integrative Theory of Communication and Cross-cultural Adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 321 p.
12. Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. / Под ред. В.В. Ощепковой. М., 2008.
13. Пустовойтов Ю.Л. Основные критерии эффективности подготовки учащихся высшей школы к профессиональной кросс-культурной коммуникации // Человек и культура. 2015. № 4. С. 72-96.
14. Гуревич П.С. Человек есть усилие быть человеком... (Рецензия на книгу издательства «Канон+») // Педагогика и просвещение. 2014. № 2. С. 85-93. DOI: 10.7256/2306-434X.2014.2.13008.
15. Чугунова И.О. Ценности нашего века через призму философской антропологии Макса Шелера // Психология и психотехника. 2014. № 8. С. 830-837. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12578.
16. Войниканис Е.А. Направления и способы воздействия глобализации на систему регулирования интеллектуальных прав: теоретические аспекты // Право и политика. 2014. № 12. С. 1856-1859. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.12.13718.
17. Смирнова-Сеславинская М.В. Проблема субъекта речи и межкультурной коммуникации в лингвоантропологическом исследовании меньшинств // Филология: научные исследования. 2013. № 2. С. 168-179. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.2.6785.
18. Гуревич П.С. Формирование новой парадигмы // Психология и психотехника. 2013. № 12. С. 1191-1999. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.10477.
19. Ершова Г.Г. Антропосистема: коммуникативные модели и регулируемая интеграция // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 11-25.

20. Шажинбатын А. Этничность как проблема культурной антропологии. // Психология и психотехника. 2010. № 12. С. 56-62.
21. Попов Е.А. Культура исследователя в современном социально-гуманитарном знании // Политика и общество. 2014. № 5. С. 524-532. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.5.11683.

References (transliterated):

1. Trevisani D. Negoziazione interculturale. Comunicare oltre le barriere culturali. Milan: Franco Angeli editore, 2005. 172 p.
2. Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. Mezhdunarodnyy kul'turnyy obmen. SPb: SPbKO, 2009. 416 s.
3. Yakovets Yu.V. Globalizatsiya i vzaimodeistvie tsivilizatsii. M.: Ekonomika, 2003. 441 s.
4. Shved N.G., Ribokene E.V. Osnovy teorii kommunikatsii. M.: MUIV, 2012. 326 s.
5. Rybakova N.A. Osnovnye printsipy podgotovki studentov neyazykovogo profilya k professional'noi mezhkul'turnoi kommunikatsii // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2015. № 1. S. 46-53.
6. Rybakova N.A. K voprosu ob optimizatsii kommunikativnoi yazykovoi podgotovki uchashchikhsya vysshei shkoly // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2015. № 6 (96). S. 135-139.
7. Hall E. The Hidden Dimension. New York: Doubleday, 1966. 135 p.
8. Hirsch E. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston: Houghton, 1987. 272 p.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.
10. Kluckhohn F., Strodtbeck F. Variations in Value Orientations. Row, Peterson, 1961. 437 p.
11. Kim Y. Becoming Intercultural. An Integrative Theory of Communication and Cross-cultural Adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 321 p.
12. Aktual'nye problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii. Sbornik nauchnykh trudov / Pod red. V.V. Oshchepkoy. M., 2008.
13. Pustovoitov Yu.L. Osnovnye kriterii effektivnosti podgotovki uchashchikhsya vysshei shkoly k professional'noi krosskul'turnoi kommunikatsii // Chelovek i kul'tura. 2015. № 4. S. 72-96.
14. Gurevich P.S. Chelovek est' usilie byt' chelovekom... (Retsenziya na knigu izdatel'stva «Kanon+») // Pedagogika i prosveshchenie. 2014. № 2. S. 85-93. DOI: 10.7256/2306-434X.2014.2.13008.
15. Chugunova I.O. Tsennosti nashego veka cherez prizmu filosofskoi antropologii Maksa Shelera // Psikhologiya i psikhotehnika. 2014. № 8. S. 830-837. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12578.
16. Voinikanis E.A. Napravleniya i sposoby vozdeistviya globalizatsii na sistemu regulirovaniya intellektual'nykh prav: teoreticheskie aspekty // Pravo i politika. 2014. № 12. S. 1856-1859. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.12.13718.
17. Smirnova-Seslavinskaya M.V. Problema sub'ekta rechi i mezhkul'turnoi kommunikatsii v lingvoantropologicheskom issledovanii men'shinstv // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 2. S. 168-179. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.2.6785.
18. Gurevich P.S. Formirovanie novoi paradigmy // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 12. S. 1191-1999. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.10477.
19. Ershova G.G. Antroposistema: kommunikativnye modeli i reguliruemaya integratsiya // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2012. № 4. S. 11-25.
20. Shazhinbatyn A. Etnichnost' kak problema kul'turnoi antropologii. // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 12. S. 56-62.
21. Popov E.A. Kul'tura issledovatelya v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znanii // Politika i obshchestvo. 2014. № 5. S. 524-532. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.5.11683.